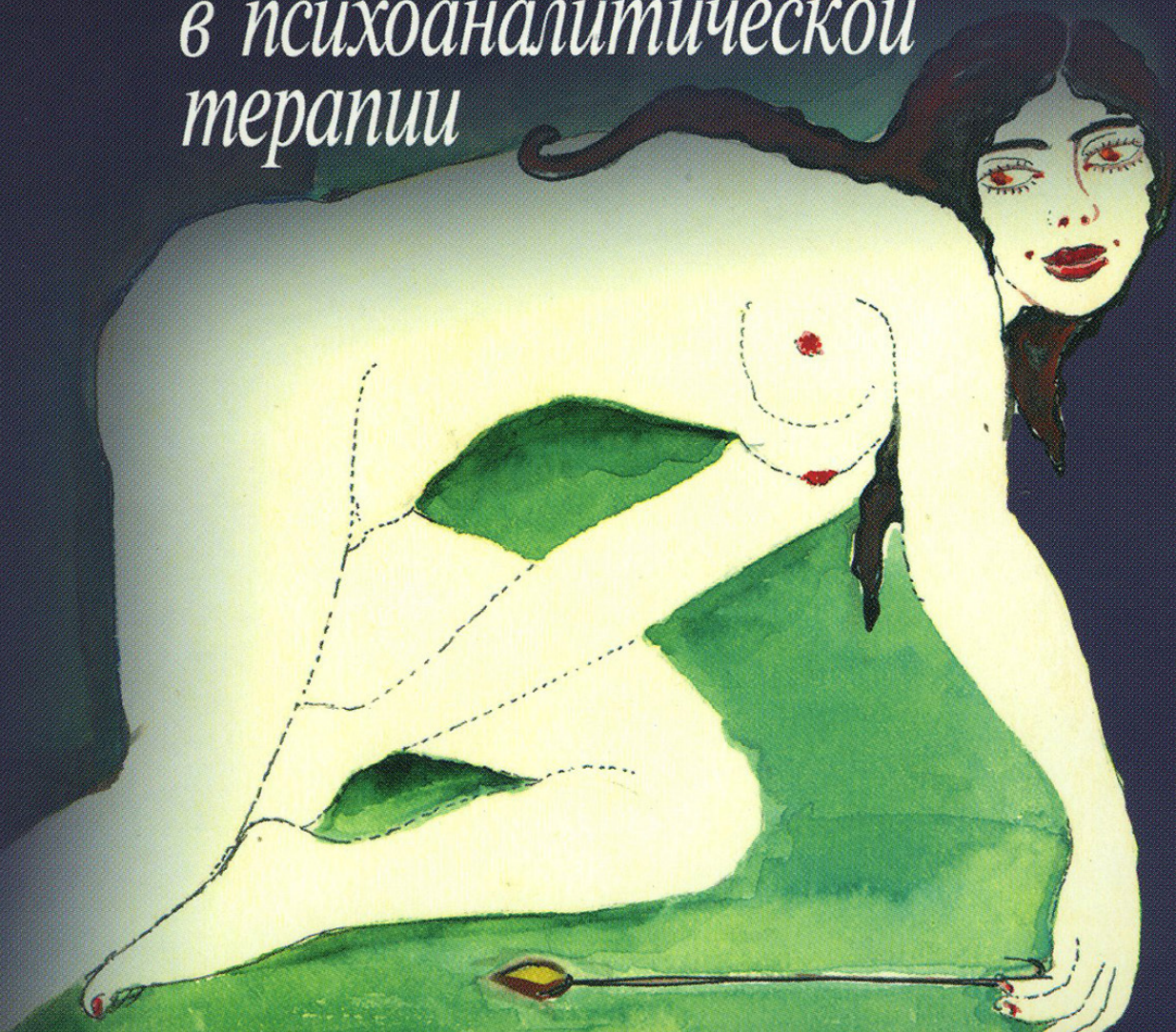

**Библиотека
психоанализа**

**Фрэнк Л.
Саммерс**

За пределами самости

*Модель объектных отношений
в психоаналитической
терапии*

Библиотека психоанализа

Фрэнк Саммерс

**За пределами самости. Модель
объектных отношений в
психоаналитической терапии**

«Когито-Центр»

1999

УДК 159.9
ББК 88

Саммерс Ф. Л.

За пределами самости. Модель объектных отношений в психоаналитической терапии / Ф. Л. Саммерс — «Когито-Центр», 1999 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-164-0

Ф. Л. Саммерс представляет эмпирическое и теоретическое обоснование модели психоаналитического лечения пограничных нарциссических и невротических пациентов. Модель основана на механизмах личностных изменений, преодоления пациентом его слабостей. Книга может быть полезна психологам-клиницистам, психоаналитикам и студентам психологических вузов.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-89353-164-0

© Саммерс Ф. Л., 1999
© Когито-Центр, 1999

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	7
Глава 1. Один случай, три точки зрения	8
Три точки зрения	13
Заключение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Фрэнк Л. Саммерс

За пределами самости. Модель объектных отношений в психоаналитической терапии

Научная редакция А. М. Боковой

Выражаем благодарность издательству The Analytic Press и лично Паулю Степански за предоставленное право на публикацию этой книги

В оформлении использован рисунок первого российского психоаналитика И.Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М.И. Давыдовой.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2007

* * *

Предисловие

Эта книга адресована практикующим клиницистам, заинтересованным в новых идеях, которые можно использовать для лечения пациентов. Хотя здесь излагается теоретическая модель, пополняющая существующее многообразие психоаналитических подходов, назначение у книги сугубо практическое. Меня беспокоит, что непрекращающиеся дебаты в области психоанализа касаются в основном теоретических конструкторов, уделяя слишком мало внимания процессу личностных изменений, и я надеюсь, что сумел создать теоретическую модель, которую терапевты смогут применять в своей повседневной практике. Моя цель состоит именно в том, чтобы вскрыть механизм процесса личностных изменений. Я предлагаю модель выхода за пределы самости – теоретическую модель, которая, мне хочется верить, показывает, как психоаналитик способен помочь пациенту преодолеть его слабости.

Несмотря на все разнообразие подходов, я не смог найти среди них модель, которая представляла бы правильную комбинацию классического и современного анализа и соединяла бы глубинные интерпретации и фокусировку на полезных для пациента отношениях. Я согласен со многими современными критиками классического анализа и эго-психологии, утверждающими, что эти традиционные подходы слишком ограничены и имеют тенденцию к редукционизму, в силу чего они не представляют ценности для клиники, но меня беспокоит также, что некоторые альтернативные течения слишком далеко отходят от глубинной психологии, лежащей в основе психоаналитической терапии.

Я убежден, что расширенная модель объектных отношений должна учитывать сильные стороны обеих крайних позиций и может служить полезным руководством для клиницистов, практикующих психоаналитическую терапию.

При подготовке обзора литературы по психоанализу я обнаружил важные элементы подобной модели в работах целого ряда теоретиков, таких, как Винникотт, Кохут, Фэйрберн, Гантрип, Боллас и Бенджамин. Предлагаемая мной модель включает некоторые идеи каждого из этих теоретиков и при этом не сводится ни к одной из имеющихся моделей; сформулированные мной теоретические положения подтверждаются многочисленными экспериментальными данными. Я считаю, что смог создать теорию, которая объединяет теоретические и клинические подходы различных современных психоаналитических направлений и подтверждается эмпирическими результатами, полученными в ходе исследований детского развития.

В 1994 г. я опубликовал книгу «Теории объектных отношений и психопатология», в которой продемонстрировал уникальное клиническое значение основных теорий объектных отношений. В заключительной главе этой книги я свел воедино полезные элементы каждой изложенной в ней теории, чтобы наметить расширенную модель объектных отношений. В своей новой книге я развиваю теоретические и клинические идеи, обозначенные в этом наброске. Разработанная мной модель пригодна для использования в психоаналитической практике.

Во вступительной главе я на клиническом примере показываю соотношение моей модели с двумя основными направлениями психоанализа: эго-психологией и анализом отношений. Две следующие главы содержат эмпирическое и теоретическое обоснование модели. В главе 4 приводится обсуждение клинического применения данной теории и вводится понятие терапевтического воздействия. В трех следующих главах я показываю, как можно использовать данную модель в работе с тремя категориями пациентов, традиционно называемых пограничными, нарциссическими и невротическими; в коротком заключении, размышляя об искусстве психоаналитической терапии, я перевожу обсуждение проблемы на более абстрактный уровень.

Благодарности

Я глубоко признателен доктору Полу Степански за помощь в работе над рукописью и ее редактирование. Его предложения позволили существенно улучшить ее по форме и содержанию. Я также хотел бы поблагодарить Рене Саммерс, доктора Питера Шабада и доктора Алану Баум, которые не жалели времени на прочтение некоторых ее глав и помогали мне своими замечаниями. Особую признательность я выражаю студентам, в разные годы принимавшим участие в моих семинарах, клинических разборах и учебных группах и вдохновлявшим меня своим энтузиазмом и активным участием в дискуссиях.

Глава 1. Один случай, три точки зрения

Данное исследование иллюстрирует возможность клинического применения психоаналитической терапии в контексте теории объектных отношений. Поскольку в книге большое внимание уделяется клиническому процессу, мне представляется уместным начать с анализа конкретного случая. Проведенный мной анализ Декстера содержит хорошую клиническую базу для обоснования предлагаемого подхода и его сравнения с двумя другими влиятельными психоаналитическими парадигмами – эго-психологией и психоанализом отношений. Посредством такого сравнения я надеюсь продемонстрировать различие между этими тремя подходами и полезность применения концепции объектных отношений для проведения психоаналитической терапии, что и составляет конечную цель данной книги.

Декстер начал анализ, чтобы разрешить две свои основные проблемы: непрекращающиеся ссоры с женой и – что было для него особенно важно – хронические неудачи в работе. Еще одна беспокоившая его проблема, хотя он и не заявлял ее как основную, состояла в недавно проявившейся склонности крайне эмоционально реагировать на внешне незначительные события. Например, однажды коллега принесла ему кофе, и он чувствовал, что буквально разрывается на части, когда благодарил ее.

Декстер – третий ребенок из пяти (две старшие сестры и два младших брата) – вырос в районе для среднего класса. Его мать была домохозяйкой, отец служил, по словам Декстера, «управляющим низшего звена». Мать нередко обсуждала с сыном свою неудовлетворенность доходами отца и его образованием. В начале лечения Декстер утверждал, что любит и уважает обоих родителей, однако особенно дороги ему были воспоминания о матери, о том, как они вместе гуляли, как она подшучивала над некоторыми друзьями и соседями, и как они вместе смеялись над ее саркастическими замечаниями.

В старших классах Декстер начал заниматься спортом, однако получил травму и после выздоровления к спорту не возвращался. К тому времени круг его общения в основном состоял из спортсменов, но после травмы он почувствовал, что больше не принадлежит к их обществу, и у него возникло ощущение социальной изоляции. Необъяснимым образом тогда же снизилась его академическая успеваемость. Он стал пропускать занятия в колледже и периодически вовсе оставлял учебу. В результате для завершения образования ему потребовалось десять лет. В этот период Декстер женился. К началу анализа он работал на том же месте, на которое устроился сразу после окончания колледжа, и собирался продолжить образование, чтобы получить следующую ученую степень. За год до этого его жена бросила работу из-за рождения ребенка.

Несмотря на вполне стабильное положение, Декстер считал, что продвигается по карьерной лестнице слишком медленно, потому что он не получал повышения и не реализовывал свой потенциал. Он нередко совершал ошибки по невнимательности и забывчивости и опасался, что это может повредить его профессиональному росту и даже привести к потере работы. В его отношениях с женой всегда присутствовало некоторое напряжение, но в последнее время и особенно после рождения ребенка супруги стали ссориться постоянно, как правило, из-за возникающего у Декстера чувства, что жена над ним издевается. Иногда эти ссоры достигали такого накала, что Декстер начинал опасаться, что способен ее ударить. Однажды во время поездки в автомобиле ему пришлось съехать с шоссе, припарковать машину и выйти, потому что они с женой привели друг друга в такую ярость, что их безопасность была под угрозой.

Анализ начался с многочисленных воспоминаний Декстера об отношениях с матерью, особенно об их разговорах наедине. Было ясно: он чувствовал, что у него с матерью были особые отношения и что мать находила у него выраженные способности к науке. Она запомнилась ему как красивая, умная женщина с нереализованными интеллектуальными стремлениями.

Декстер вспоминал ее фрустрацию и разочарование из-за отца, который не сумел закончить образование, не добился в жизни успеха и мало зарабатывал. Он полагал, что мать недовольна своей судьбой, и в начале анализа выразил понимание того, что он бессознательно ощущал тяжесть ее нереализованных амбиций. Понимая, что он был избран матерью для осуществления того, что не удалось его отцу, Декстер также осознал, что чувствует себя не способным удовлетворить ее. В его сознании возник новый образ матери – согласно его определению, образ «Снежной королевы». Мать представляла прекрасной, холодной, неумолимой, суровой женщиной, которой он никак не может угодить. Осознание этого образа обнаружило его гнев против матери за нарциссическую эксплуатацию.

Вместе с негативными чувствами к матери Декстер ощутил давящее чувство вины. Этому особенно способствовали мысли о том, что она верила в него, в его интеллектуальный потенциал, а также ее ранняя смерть. Тем не менее, он не мог освободиться ни от гнева на мать за то, что теперь он был склонен расценивать как эксплуатацию, ни от ее негативного образа, который существовал рядом с положительным.

Когда отношения с матерью стали для Декстера более осознанными, начал появляться материал и о его отношениях с отцом. Во время рассказа о неудовлетворенности матери образ отца вызывал у него двойственную реакцию. На сознательном уровне он сочувствовал человеку, который много работал и содержал семью из шести человек, а наградой за этот труд было только недовольство жены. Кроме того, у Декстера присутствовал неосознаваемый гнев на отца за то, что тому не хватало целеустремленности, и желание превзойти его, которое вызывало гнетущее чувство вины. Осознав этот гнев, Декстер понял свою бессознательную идентификацию с отцом и признал, что обладает ограниченным интеллектом и не способен к успеху в учебе и в работе. Его злость была вызвана также тем, что отец не пытался возражать матери. Как только прояснилась природа гнева Декстера, он осознал, что приравнивал свое желание добиться успеха к стремлению превзойти отца, что создало еще один источник чувства вины. Достижение успеха означало победить отца и угодить матери, сделав то, чего отец так и не сумел. Однако это ставило его в прямую оппозицию к отцу, и он чувствовал вину за то, что причинял ему боль.

Все вышесказанное проявилось в переносе. Декстер полагал, что я нуждаюсь в нем как в успешном пациенте, и в то же время идеализировал в моем лице все то, к чему стремился: интеллектуальные, карьерные и финансовые достижения без борьбы и конфликтов. Несомненно, эта идеализация была амбивалентной, что выражалось в частых и довольно острых стычках со мной, в которых, как он чувствовал, я всегда оказывался победителем. Постоянно сравнивая свои умственные способности, образование, профессиональный опыт с моими, он обнаруживал, например, что в то время как он выбивался из сил, чтобы завершить свое скромное образование, я с легкостью получал ученую степень. В некоторых областях, однако, он чувствовал свое «превосходство», например: у меня не было детей, и он меня опережал как отец.

Накал агрессивного соперничества со мной ясно виден в следующем сне: Декстер из всех сил мчится на трехколесном велосипеде, соревнуясь с кем-то, внешне похожим на меня; велосипед «аналитика» лучше, поэтому аналитик обгоняет Декстера, и тогда Декстер сталкивает его на обочину, а затем с обрыва. Этот сон пробудил в нем агрессивные и конкурентные чувства по отношению к своему отцу и ко мне. Негативный перенос у Декстера содержал отдельные элементы чувств к обоим родителям. Он не только заново отыгрывал свое желание превзойти отца и сопровождающую это желание тревогу, но и осознавал, что аналитик является той фигурой, которой он совершенно искренне желал угодить. Аналитик тоже стал «Снежной королевой», и этот образ вызывал все больший гнев.

Восприятие Декстером жесткости аналитика и его гнев по этому поводу стали фокальной точкой переноса. Будучи убежден, что никогда не сможет быть достаточно хорошим для аналитика, он думал, что я считаю его недостаточно умным и что он плохо справляется с ролью

пациента. Надуманные ожидания так тяготили его, что однажды во время сеанса он вжался в кушетку и громко простонал: «Прошу Вас, оставьте меня в покое!» Сила этой эмоциональной реакции шокировала его и заставила понять, что тяжесть, которую он переживал, была внутри него, и именно поэтому он воспринимал аналитика как человека, которого невозможно удовлетворить.

Декстер чувствовал себя подавленным моими ожиданиями и отыгрывал свой гнев на фигуре «Снежной королевы» (мать и аналитик), «забывая» о работе, которую должен выполнять пациент, проходящий анализ. Он начал делать паузы вместо того, чтобы свободно ассоциировать, и обходил существенный материал чаще, чем прежде. Эти проявления были немедленно проассоциированы с его рассеянностью на работе и слабостью концентрации внимания. Если раньше Декстер соотносил проблемы на работе исключительно с повторением конкурентного конфликта с отцом, то теперь он увидел связь этих проблем с завышенными ожиданиями матери. Злость на «Снежную королеву» стала настолько сильна, что ему захотелось нанести ей поражение. Его злость состояла из двух основных компонентов.

1. Декстер был убежден, что независимо от достигнутого им успеха «Снежная королева» никогда не будет удовлетворена. Его приводило в ярость бесконечное чувство собственного несоответствия ее ожиданиям, а фрустрация становилась причиной того, что он делал ошибки в работе. Это проявлялось также в анализе – в чувстве, что он не выполняет обязательств пациента, никогда не сможет соответствовать моим ожиданиям, и в отчаянии из-за того, что его анализ окажется неудачным.

2. Если бы ему удалось добиться успеха, «Снежная королева» получила бы преимущество и лишила бы его всякого доверия. Быть успешным означало принять ее правила игры и тем самым позволить ей себя эксплуатировать. Аналогично, если бы анализ удался, я бы получил все почести, а Декстеру досталась бы роль человека, подчиняющегося моей потребности кого-либо эксплуатировать, чтобы преуспевать. Чтобы защитить себя от такого «использования», он попытался победить аналитика «рассеянностью» в аналитической работе.

Постепенно Декстер дошел до осознания своей тревоги по поводу возможного возмездия. Ему приснился сон о змее, готовой откусить ему голову; с этим сновидением он связал воспоминания о реакции отца на его успехи в учебе. Когда Декстер перешел в старшие классы, его отец больше не мог помогать ему выполнять домашние задания по математике, что его, по-видимому, огорчало. Мать заметила, что по уровню образования он превзошел отца. Именно тогда и произошло стремительное снижение успеваемости Декстера. Сначала ухудшились оценки по математике, а затем и по остальным предметам. Он больше никогда не был успевающим учеником. Декстер осознал, что боялся причинить боль отцу и в то же время вызвать его ярость своими успехами. Никаких признаков ярости отец не демонстрировал, однако достижения сына его явно уязвляли, и эта реакция пробудила в Декстере тревогу. В ходе анализа он сумел увидеть всю глубину своего страха наказания за успех.

Теперь он мог по-другому объяснить свое решение бросить занятия спортом в старших классах, причину чего он прежде приписывал травме. Несмотря на то, что один сезон для него закончился, он мог бы продолжить играть в следующем. Но причина его ухода из спорта была в другом. Он был лучшим в своей команде, но через год ему предстояло играть в команде университета, где ситуация могла измениться. Декстер предпочел не допускать возможности оказаться на вторых ролях и использовал травму как предлог. Несмотря на чувство вины за свои успехи, неполный успех он считал для себя оскорбительным. Эта реакция отражала неразрешенную амбивалентность его отношения к отцу. Быть не первым в футболе казалось ему унижительным, поскольку это было равносильно тому, чтобы проиграть человеку, над которым смеялась мать. И даже более того, статус не самого лучшего игрока угрожал подтверждением и осознанием бессознательной идентификации с отцом, которая уже тогда заставляла его чувствовать себя неудачником. Таким образом, он не мог терпеть ни успех, ни поражение. Эта

амбивалентность отражалась во всей его жизни: он делал шаги в направлении успеха, постоянно спотыкался и получал травмы. Он хотел, чтобы анализ был успешным, и в то же время подрывал работу.

Декстер вспомнил два пугающих, прежде подавляемых в памяти эпизода из своей взрослой жизни. Один раз он нырял с аквалангом и погрузился глубже, чем позволяло количество кислорода в баллонах. У него закружилась голова. Спас его другой ныряльщик. Второе воспоминание касалось эпизода, когда он работал на крыше грузового лифта и случайно привел его в движение. Когда его спасли, он висел на одних пальцах. Теперь Декстер понял, что это были не случайные происшествия, как он думал прежде, а проявления его склонности причинять себе вред, корнящейся в чувстве вины из-за превосходства над отцом.

Боязнь успеха, свойственная Декстеру, была связана с его представлением о родителях: о матери как суровой «Снежной королеве», которая использует его и нуждается в его успехах, чтобы доказать собственное величие, и вызывает у него ярость от собственного бессилия и невозможности ее удовлетворить, и об отце как конкуренте, который в случае поражения отступает и мстит. Обе эти позиции отразились в переносе, и каждая вызывала его враждебность и отыгрывалась в анализе. У каждой родительской фигуры в переносе было две стороны. В то время как Декстер чувствовал, что я пытаюсь использовать его, сделав его успешным, он, в свою очередь, использовал меня для повышения собственной самооценки, вступая в связь с моей идеализированной фигурой. Осознание этого привело к пониманию удовлетворения, получаемого им от того, что на роль наиболее одаренного ребенка мать выбрала именно его. Несмотря на весь свой гнев, он испытывал благодарность за чувство собственной исключительности, дававшее ему заметное нарциссическое удовольствие. То же самое было и в анализе: я нуждался в его успехе, чтобы повысить свою самооценку; таким образом, он мог чувствовать себя особенным пациентом и получать от этого нарциссическое удовлетворение.

Такие же двойственные отношения были у него и с фигурой конкурента-отца. Он не только пытался победить меня, но и полагал, что я тоже соревнуюсь с ним и стремлюсь к победе в нашем взаимодействии. Мои интерпретации он нередко воспринимал как попытки «превзойти» его, «поставить на место». Хотя, как правило, в анализе Декстер играл роль сына (а аналитик – отца), в этом случае пациентом был аналитик, сам же пациент оказывался на месте отца, боящегося потерпеть поражение. Обе трансферентные формы представляли собой отыгрывание наиболее важных для Декстера объектных отношений. Первая объединяла полюса «эксплуататор – эксплуатируемый», вторая состояла из ролей «победителя» и «побежденного», причем в обоих случаях пациент исполнял обе роли. Перенос позволил увидеть объектные отношения, которые Декстер пытался привнести во все значимые межличностные взаимодействия.

Эти аспекты переноса продолжали существовать даже после того, как Декстер ясно увидел, что они происходят из его отношений с родителями. Между его знанием об отыгрывании ранних отношений и его восприятием аналитика образовался раскол. Устойчивость созданного им образа аналитика стала значительным препятствием на пути преодоления его невроза.

Декстер видел, что его попытки убажить меня и его видение меня как «всегда неудовлетворенного» скрывают его стремление иметь близкую связь – такую, когда аналитик и пациент «действительно знают друг о друге все», такую, как между ним и его матерью. Теперь ему стало казаться, что его чувство собственной исключительности в ее восприятии не было признаком по-настоящему глубокой связи с ней, а скрывало пустоту, которую он ощущал рядом с ней. Он защитился от своей жажды близости с ней так же, как сейчас пытался сделать в отношениях со мной, – почувствовал себя фрустрированным и используемым. После того как эти чувства были интерпретированы в терминах защитных механизмов, он столкнулся с возможностью близости, которой прежде никогда не ощущал. Эта угроза таилась в отношениях со мной, и он почувствовал себя разбитым и потерянным.

Тогда Декстер применил свой обычный прием: он вернулся к мысли об особых отношениях между нами, в которых ему доставалась роль используемого. Таким образом он сохранял право на гнев и застревал в том же самоограничивающем паттерне, что и с матерью, – в ответ на эксплуатацию забывал выполнять аналитическую работу и в то же время испытывал нарциссическое удовольствие от собственной уникальности. Преодоление этой привычной схемы составляло угрозу начала новых отношений со мной – отношений, предполагающих никогда прежде не испытанную им близость, и он искал спасения в интернализованных объектных отношениях эксплуатации и уникальности, которые парализовали его жизнь и от которых он не мог избавиться.

Три точки зрения

Как следует понимать симптомы Декстера и обусловленные ими конфликты? В каких отношениях оказались пациент и аналитик? Не зашел ли анализ в тупик, и если да, то есть ли выход из этого тупика? Вот важнейшие вопросы, на которые аналитик должен искать ответ. Поскольку существующие психоаналитические теории многообразны, ответов можно найти множество. Чтобы составить представление о теоретическом подходе, предлагаемом в этой книге, следует не перечислять различные точки зрения, а противопоставить его двум фундаментальным психоаналитическим теориям, на стыке которых он возник. Посмотрим, как аналитики ответили бы на эти вопросы исходя из парадигмы эго-психологии и анализа отношений, а затем обсудим эти же проблемы с точки зрения теории объектных отношений.

Точка зрения эго-психологии

Нам вряд ли удастся предложить единое толкование проблемы, с которым согласились бы все эго-психологи. Тем не менее мы можем сказать, что в широком смысле современная эго-психология представляет собой психоаналитическую парадигму, в которой человеческая мотивация рассматривается как компромисс между конкурирующими давлениями влечений, защитных механизмов, тревоги и чувства вины (см., напр.: Brenner, 1979; Wilson, 1995). Понятие компромисса между психологическими силами, а также некоторые темы типа эдипова комплекса неизменно присутствуют в любом эго-психологическом построении, хотя детали, разумеется, различаются в зависимости от личности каждого конкретного клинициста. Ниже в общих чертах приводится возможное объяснение симптомов и лечения Декстера в рамках эго-психологической парадигмы.

С точки зрения классического психоанализа, Декстер борется с конфликтами, порожденными как либидинозными желаниями, так и агрессивностью, вызываемой эдиповым конфликтом. Он был убежден, что мать выделяет его среди остальных детей, и это давало ему ощущение эдиповой победы, но в то же время пробуждало тревогу и усиливало чувство вины. Кроме того, эдипова вина, вызванная желанием превзойти отца и занять его место рядом с матерью, подавляла его агрессию. Несмотря на полученное за «победу» над отцом нарциссическое вознаграждение, Декстер дорого заплатил за нее повышенной тревогой, приведшей к усилению защитных механизмов и к гнетущему чувству вины. Его опыт потенциально успешной жизни в некоторой степени дает представление об этой эдиповой победе, которая спровоцировала настолько сильную тревогу и чувство вины, что он сам уничтожил свои шансы на успех в отчаянной попытке наказать себя. Его неудачи в учебе и ошибки в работе – все это имело своей целью избежать успеха, который символизировал бы победу в эдиповом конфликте. Кроме того, это было средство наказать себя за неприемлемые эдиповы желания и агрессивное отношение к отцу.

Тем не менее неполный успех для Декстера был столь же неприемлем. Именно из-за этого он бросил футбол, будучи не в силах смириться с тем, что он мог занять второе место в команде. На бессознательном уровне второе место, даже всего лишь на один год, означало для него поражение в глазах матери. Несмотря на то, что «поражение» уменьшило бы чувство вины, оно также послужило бы причиной невыносимой нарциссической травмы, поскольку привело бы к бессознательной идентификации со слабым отцом. Таким образом, любой неполный успех означал бы, что он подводит мать так, как это сделал недостаточно хороший для нее отец. Неспособность Декстера смириться с собственным несовершенством и нарциссическая чувствительность коренятся, с этой точки зрения, в глубинной тревоге, вызванной бессознательной идентификацией с отцом.

Амбиции Декстера в значительной степени подкреплялись страхом, что ему уготовано судьбой следовать по пути отца. Неспособность стать лучшим означала для него несоответствие материнским ожиданиям, невозможность интеллектуально превзойти отца. Он восставал против этой роли, и в то же время она доставляла ему неизмеримое удовольствие, а неспособность реализовать ее означала для него нестерпимое разочарование матери. От него требовалось совершенство во всех областях деятельности. В попытке избежать ситуации, в которой он может не оправдать надежд матери, Декстер начинает избегать любых «испытаний», будь то футбол или учеба.

Бессознательный эдипов конфликт на протяжении всей жизни сделал для него невозможным как успех, так и неуспех. Если ему удастся разрешить этот конфликт, он больше не будет страдать от нарциссической уязвимости.

Успешное подавление либидинозных желаний заставляет его защищаться от любых близких контактов, угрожающих спровоцировать эти желания и преодолеть вытеснение. В частности, такую угрозу представляет брак, по своей природе требующий близости. В результате семейная жизнь превращается в череду непрерывных ссор. С точки зрения эго-психологии, причина злости Декстера на жену состоит в опасности, что отношения с ней смогут пробудить подавленные эдиповы желания и сопутствующие им чувство вины, тревогу, агрессию и страх. Разлад в семье создает дистанцию и позволяет защититься от близости, напоминающей о материнском соблазне.

Близость в семейных отношениях не только угрожает пробудить либидинозные желания Декстера, но и стимулирует подавленную агрессию в адрес обоих родителей. Гнев на мать из-за ее ожиданий и на отца из-за неспособности удовлетворить ее прорывается через барьер вытеснения, возникший еще на эдиповой фазе развития. Опять же можно предположить, что усиление давления со стороны защитных механизмов связано с браком, подразумевающим близость. В неконтролируемых приступах ярости, направленной на жену, случавшихся с Декстером, можно усмотреть замещение бессознательной ярости в отношении к матери – за ее притягательность, жесткость и эксплуатацию.

Кроме того, в стремлении победить мать-аналитика-«Снежную королеву», саботируя аналитическую работу, он защищает себя от осознания того, что мать сексуально возбуждала его в эдиповой фазе. В отчаянной попытке «подкупить» Супер-Эго и избавиться от осознания возбуждения, которое он чувствовал в то время, как она его «нарциссически использовала», он затрудняет протекание анализа и наказывает себя самого. Таким образом, его бессознательный гнев на мать имеет два источника: невыполнимые, по его мнению, требования к нему и защита от возбуждения, ей же и вызываемого.

Можно также предположить, что Декстер проецирует свои агрессивные желания на отца, что обуславливает страх возмездия, еще больше усиливающий его тревогу. Его сновидение о змее, готовой откусить ему голову, и ассоциация с угрозой для отца, связанной с его академической успеваемостью, свидетельствуют о сильной тревоге и страхе, что отец может покарать его за агрессию. Чтобы освободиться от страха возмездия, Декстер обращает агрессию против себя самого, тем самым достигая двух целей: его тревога ослабевает, а Супер-Эго оказывается удовлетворено. В рамках такой интерпретации основной источник калечащих его торможений и запрета на успех – страх возмездия, а эпизоды, когда он едва не погиб, – это опасные симптомы его бессознательных попыток наказать себя за неприемлемую агрессию.

Необходимо подчеркнуть, что с этой точки зрения созданные Декстером образы родителей представляют собой фантазии. Например, он вообразил, что его мать желает ему успеха и что ей важна его исключительность. Аналогичным образом кипящие в нем агрессивные фантазии, направленные на обоих родителей, провоцируют страх возмездия. Самих по себе фантазий достаточно для того, чтобы вызывать потребность в защитах. Однако эго-психолог не стал бы предполагать, что восприятие Декстера отражает актуальные отношения с матерью или

что актуальные отношения являются для него важным фактором. Отношения Декстера с женщинами нарушаются из-за его фантазий о матери, проецируемых на другие женские фигуры, например, на жену.

Описываемые трудности в анализе связаны с сопротивлением Декстера осознанию этих эдиповых конфликтов. Как только он ощутил усиливающуюся близость со мной, в нем проснулось либидинозное влечение к матери и одновременно вновь пробудился страх эдиповой победы. В связи с этим его защиты против переноса ужесточились, он стал: а) бессознательно саботировать анализ, забывая о правилах, и б) видеть во мне эксплуататора, тем самым создавая между нами дистанцию. Его саботаж работы, а также его отношение ко мне как к сопернику в непрекращающейся борьбе свидетельствуют о переносе на меня бессознательных либидинозных и агрессивных желаний и о стремлении наказать себя, подорвав попытки улучшить свое состояние. Перенос агрессии на меня очевиден также в его сновидении, в котором он сталкивается с утеса напоминающую меня фигуру. Попытки не допустить потенциально возможный успех аналитической работы служат наказанием за запретные желания повредить мне. Таким образом, рассеянность в аналитической работе есть перенос его конкурентной борьбы с отцом. Агрессия вызывает чувство вины и желание наказать себя, поэтому аналитический процесс не должен закончиться успешно. Каждый шаг к успеху приводит к регрессии, которая защищает его от страха и чувства вины. Так аналитический процесс отражает колебания Декстера между успехом и причинением себе вреда – паттерн, не покидающий его всю жизнь. Анализ подошел к точке, когда сопротивление служит избеганию бессознательного конфликта, вызванного позитивным жизненным опытом.

Случай Декстера можно рассматривать как пример невротического компромисса между агрессивными и либидинозными влечениями, запретами Супер-Эго (чувством вины), тревогой, связанной с желанием навредить отцу и одновременно страхом возмездия, и вытеснением либидинозных и агрессивных желаний. Задача аналитика – сделать бессознательные элементы конфликта осознанными. Поскольку аналитический процесс таит в себе угрозу осознания этих бессознательных сил, Декстер противостоит ей, регрессируя до нарциссического состояния, когда он чувствует, что его используют, и в то же время сознает свою исключительность. Элементы переноса отношения к матери – страх эксплуатации и награда за исключительность – не первичны, они являются частью защиты от вызывающих тревогу эдиповых желаний. Таким образом, все элементы конфликта: сексуальные и агрессивные желания, их вытеснение, чувство вины и тревога – представлены в переносе и защищены сопротивлением пациента аналитической работе.

С точки зрения эго-психологии, смысл осознания элементов компромиссного образования состоит в том, чтобы по-новому структурировать психологические силы (Brenner, 1979). Когда элементы конфликта становятся осознанными, у Эго появляются дополнительные возможности их контролировать. Дилемма Декстера не имеет идеального решения, поскольку в конфликте и компромиссном образовании задействованы все психические функции, однако постоянная интерпретация сопротивления, возможно, приведет к тому, что все важные психологические силы попадут в поле сознания и уровень контроля над ними со стороны Эго повысится. Таким образом может быть достигнут новый компромисс, который позволит добиться большего удовлетворения влечений и, следовательно, избежать разрешения проблемы путем продуцирования симптомов.

Точка зрения психоанализа отношений

С точки зрения психоанализа отношений, эго-психологический подход опирается на редукционистскую и «далекую от эмпирических фактов» гипотезу об эндогенных влечениях. Даже если проблему Декстера можно отнести к агрессивным и сексуальным конфликтам, эти

сильнейшие аффекты приобретают выражение, форму и значение только при анализе межличностных контекстов – контекста, в котором они возникли, и контекста, в котором они находятся на настоящем этапе. Приписывать эти болезненные аффективные конфликты эндогенным влечениям означает упускать из виду контекст отношений, эти чувства породивших. Таким образом, согласно психоанализу отношений, ключ к симптомам Декстера – им самим вызванным неудачам, хроническому неумению и эмоциональной неустойчивости – заложен в его межличностных отношениях, возможно, возникших в прошлом, а теперь устоявшихся, но не в «судьбе влечений».

С точки зрения психоанализа отношений, сопротивление успеху, наблюдающееся у Декстера, – это симптом двух его первичных форм отношений: конкуренции и эксплуатации, каждый из которых связан со сложной конфигурацией, включающей в себя одного из родителей. Декстер боится, что эмоциональная близость с другими людьми чревата требованиями и ожиданиями, которым он не сможет соответствовать. После попытки управлять своими отношениями с матерью, избегая ситуаций, где можно было потерпеть неудачу, и преуспевая там, где у него были все основания для уверенности в успехе, Декстер продолжал следовать этой схеме. Особенно это проявилось в его учебе. Желая создать отношения, снижающие страх неудачи и в то же время не угрожающие его целостности, он решает добиваться успеха только в тех делах, где он гарантирован. Рассмотрим его решение бросить футбол, чтобы не быть вторым игроком. Этот поступок можно расценивать как межличностную тактику, позволяющую избегать ситуации, когда он не может удовлетворить ожиданиям матери. По иронии судьбы, стратегия избегания неудачи приводит именно к многочисленным неудачам. Например, чтобы избежать провала в учебе, он неоднократно бросает колледж и не пишет курсовую работу. Его беспорядочная учеба отражает его движение по узкой грани: он избегает работы, которую боится не выполнить с полным успехом, и в то же время делает достаточно для того, чтобы не превратиться в законченного неудачника.

Другая первичная конфигурация Декстера, связанная с его отношениями с отцом, представляет собой схему неудачи, необходимой для того, чтобы не ставить отца под угрозу. Успех пробуждает тревогу, и Декстер убежден, что не сможет добиться успеха там, где это не удалось другому. Следовательно, для того чтобы уменьшить тревогу в межличностных отношениях, он саботирует собственную деятельность всякий раз, когда чувствует, что успех близок. Действие этой пораженческой стратегии особенно заметно в его отношениях с отцом. Этот паттерн вступает в конфликт с его желанием достичь успеха, чтобы победить другого и удовлетворить ожидания, т. е. с паттерном отношений с матерью. Две эти схемы отношений противоречат друг другу. Успех означает удовлетворение людей, которых он идентифицирует с материнской фигурой, но угрожает отношениям с отцом. Поражение приводит к противоположному результату. Чтобы удержать равновесие между обеими конфигурациями, каждая из которых ставит под угрозу значимые отношения, Декстер выбирает сложный паттерн, предполагающий достижение частичного успеха и саботаж собственной деятельности. С этой точки зрения, его симптомы можно рассматривать как компромисс, но компромисс между конфликтующими паттернами отношений, а не противоборствующими интрапсихическими силами, как принято считать в эго-психологии. Два этих подхода объединяет общий принцип, согласно которому симптоматический паттерн представляет собой попытку минимизировать тревогу, вызываемую конфликтом, но, с точки зрения эго-психологии, источник тревоги и конфликт находятся внутри психики, а с точки зрения анализа отношений – в отношениях.

С этих позиций проблема состоит не только в том, что между конфигурациями существует конфликт, но и в том, что эти паттерны отношений слишком ограничивают личность. Декстер располагает весьма бедным набором способов формирования отношений; его первичные паттерны – конкуренция и страх эксплуатации. Ограниченные модели подобного рода, с точки зрения психоанализа отношений, составляют ядро проблемы, поскольку приводят к

сужению межличностных отношений. Основная цель анализа Декстера – расширение паттернов межличностного взаимодействия. Следовательно, лечение должно быть направлено не только на разрешение конфликта между этими противоборствующими способами взаимодействия, но и на прекращение их главенства в сфере межличностных отношений.

С точки зрения психоанализа отношений, единица анализа – это конфигурация отношений между пациентом и аналитиком. В этом состоит еще одно расхождение между данным подходом и эго-психологией, в которой делается акцент на интрапсихической жизни пациента. С точки зрения анализа отношений, эго-психология слишком сосредоточена на той роли, которую играет в терапевтических отношениях пациент, а вклад аналитика остается практически без внимания. Согласно анализу отношений, аналитик не меньше пациента участвует в создании аналитических отношений, и самой первой его задачей должно стать выяснение той роли, которую отводит ему пациент в рамках устойчивых форм своего поведения. Например, в случае Декстера аналитик не пытается оставаться вне пространства соперничества и страха эксплуатации, но признает неизбежность своего участия.

Аналитик, работающий в русле этого подхода, попытался бы выяснить, какие действия терапевта приводят к возникновению у пациента страха быть использованным. Зачем аналитику нужен успешный результат анализа? Все аналитики в некоторой степени чувствуют необходимость успешного завершения терапии. Реагирует ли пациент на его желание добиться успеха? Не заставляло ли что-нибудь аналитика оказывать особенно сильное давление? Кроме того, уверенность пациента в том, что он конкурирует с аналитиком, должна вызывать с его стороны ту или иную реакцию. Не состязается ли и аналитик с пациентом? Пациент выискивает сферы, в которых превосходит аналитика. Но не ведет ли и сам аналитик аналогичный «счет»? Можно поставить вопрос еще более остро: не была ли конкуренция со стороны Декстера спровоцирована конкуренцией с стороны аналитика? С позиций анализа отношений следовало бы предположить, что аналитик оказался в некотором роде вовлечен в конкурентную борьбу, и бессознательные попытки пациента саботировать анализ, совершая ошибки якобы по рассеянности, представляют собой не столько симптом внутренней борьбы, сколько результат обоюдного соперничества.

В таком случае восприятие Декстером моих интерпретаций как критики – это только одна сторона проблемы. Его жалобы на нарциссическую эксплуатацию с моей стороны можно рассматривать как критику в мой адрес. Если заострить вопрос: возможно, я относился к нему и в самом деле критически, раз он это почувствовал? Не оказались ли мы вовлечены во взаимную критику? С точки зрения психоанализа отношений, я неизбежно буду относиться к пациенту с определенной долей критицизма (например, в ответ на обвинения Декстера в критическом к нему отношении), поддерживая таким образом свойственную Декстеру тактику самообесценивания. Все это должно быть использовано для выяснения того, почему аналитическая диада оказалась вовлеченной во взаимную критику.

Если бы деятельность аналитика не выходила за пределы мира пациента, никакой прогресс не был бы возможен. Чтобы добиться изменений, аналитик старается вовлечь пациента в новые формы взаимодействия внутри их общего пространства. Для этого он обращается к отношениям, существующим в жизни пациента. Ключевая интервенция, которую осуществляет аналитик, должна прояснить, почему только эти конкретные формы отношений (в случае Декстера эксплуатация и конкуренция) доступны в аналитическом процессе? Например, аналитик может включиться в борьбу за «победы» и «поражения», но затем он создает ситуацию, когда пациент оказывается перед вопросом, почему определенная форма отношений стала основной и устойчивой для их взаимодействия. Если использовать метафору из сновидения Декстера, то вопрос аналитика прозвучит следующим образом: «Почему аналитик и пациент втянулись в гонку, победа в которой настолько важна, что для ее достижения соперники сталкиваются с обрывом?»

С этой точки зрения, камень преткновения в аналитическом процессе – не сопротивление Декстера, а проблема аналитической пары. Главное заключается в том, что, когда становится возможен прорыв, Декстер возвращается к своим старым схемам поведения. Иными словами, мы с Декстером создали тупиковую ситуацию, из которой ни он, ни я не могли выйти. Аналитик, мыслящий в данной парадигме, предположил бы, что во мне и в пациенте есть что-то такое, что мешает нам установить новые отношения. То, что Декстер реагирует усилением тревоги в ответ на сближение со мной, свидетельствует о проблеме близости, актуальной для нас обоих. Поэтому моей задачей должна стать работа как с его тревогой, так и с моей собственной, и когда я задаюсь вопросом, почему после кажущейся близости отношения стали более отстраненными, я должен также бороться с моей собственной потребностью в дистанцировании.

Цель данного подхода не в том, чтобы разрушить старые паттерны и заменить их новыми, а в том, чтобы расширить и обогатить конфигурации отношений, доступные пациенту. Мы с Декстером должны найти новые возможности для взаимодействия, превосходящие те узкие и жесткие границы, в которых мы существовали до сих пор. Важным компонентом этих новых отношений должна стать способность достигать успеха в аналитическом процессе, не боясь поставить наши отношения под угрозу чьей-либо зависти, и переживать конфликт без страха быть покинутым. Когда это удастся, аналитическая диада построит новые для Декстера отношения, которые обогатят его жизненный опыт.

Для аналитика, работающего в рамках данной парадигмы, терапевтическое действие заключается именно в этих новых отношениях, создаваемых нами с Декстером. Интерпретация может быть полезна для локализации аналитика в конфигурации отношений пациента; однако изменения становятся возможны именно благодаря появлению новых форм отношений. Если Декстер овладеет новыми формами взаимодействия – более разнообразными и широкими, чем те, что были у него до начала терапии, – цели анализа будут достигнуты.

Точка зрения теории объектных отношений

С позиции теории объектных отношений, истоки симптома хронических неудач пациента лежат в его ранних объектных отношениях с родителями. Чтобы снизить тревогу в отношениях с матерью, Декстер избегает «испытаний на прочность», поскольку несоответствие ожиданиям ставит под угрозу само существование этих отношений. Он боится, что если он перестанет быть особенным для нее, т. е. лишится того, что дает ему ощущение собственной целостности, его жизнь потеряет всякий смысл. Страх утраты своей роли особого ребенка делает невозможным признание своих ограничений – признание, угрожающее, по его мнению, этому чувству исключительности. Поскольку отношения с матерью не допускают никаких ограничений его способностей, он пытается избегать ситуаций, способных привести к неудаче. В этом теория объектных отношений совпадает с подходом анализа отношений: Декстер ищет способ поддерживать отношения с матерью.

В результате давления, которое он испытывает, формируются объектные отношения «жертва – эксплуататор», в дальнейшем служащие основой и для других социальных отношений. Следствием его взаимоотношений с матерью является не только проекция интернализированной репрезентации материнского образа на значимых других, но и формирование объектных отношений по типу «эксплуататор – жертва», в которых сам Декстер может исполнять любую роль. Когда в отношениях возникает близость, он чувствует, что его используют, но и сам способен эксплуатировать других. Эти объектные отношения служат источником одной из базисных форм его отношений, то есть являются центральным компонентом его личностной структуры. Отношения, формируемые на этой основе, например с женой или с аналитиком, существуют не сами по себе, а служат средством утверждения его самости.

Переживая гнев на мать за нарциссическую эксплуатацию, он не способен открыто выразить свои чувства, поскольку боится, что это приведет к потере отношений. Ему настолько необходимо ее тепло, что он не может рисковать. Таким образом, его неудачи представляют собой не только способ избежать проверки своих способностей, но и протест против эксплуатации и ожиданий со стороны матери, которым он вынужден соответствовать. Причиной этого невротического паттерна является его подавленная ярость, вызванная тем, что он ощущает себя заложником невыполнимых требований матери – отрицание, служащее защитой исключительности отношений с ней. Мы видим, что большая часть его личности скрыта как от окружающих, так и от него самого, недоступна для контакта с миром. Его переживания несправедливости и гнева находят выражение только в неудачах, которые служат формой коммуникации для его скрытой самости.

С этой точки зрения, хронический саботаж своей деятельности, уклонение от целей, несостоятельность в работе выглядят как косвенные сообщения скрытой части самости. Его «неудачи» – это способ сказать: «Со мной что-то не так, но я не могу говорить об этом прямо. Кто-нибудь слышит меня?» Неудачи и периодические всплески ярости – это форма протеста, единственная возможность дать знать миру, что внутри него есть нечто живое, жаждущее проявиться. Неспособный следовать своим интересам и выражать свои чувства, Декстер выглядит так, словно «плывет по течению», но его неуспех – это его способ сообщить себе и окружающим, что он в ярости из-за того, что вынужден быть успешным человеком ради удовлетворения своей матери.

Почему ему необходимо проявить этот протест? Почему он не может подчиниться и оставить свои чувства глубоко внутри? Сказать, что он умоляет о помощи единственным доступным ему способом, – значит задать более глубокий вопрос: зачем ему нужна помощь? Ответ на него позволяет проследить важные различия между теорией объектных отношений и психоанализом отношений. С позиций теории объектных отношений Декстеру нужна помощь для того, чтобы он мог реализовать потенциал, подавленный чрезмерными ограничениями в отношениях с матерью. Сочетание сознания своей особой роли и тревоги по поводу соответствия ей лишило его способности использовать свою агрессию и исследовать противоречивые чувства к матери. В результате он не смог выяснить свои сильные и слабые стороны в основных жизненных сферах: межличностных отношениях, учебе, работе и спорте. Из-за строгих ограничений в сфере межличностных отношений он не понял, что такое близость, и не научился разрешать связанные с ней проблемы. Развитие его самости было, если можно так выразиться, задержано, и фрустрация способности реализовывать потенциальные формы взаимодействия нашла свое выражение в симптомах.

С позиций теории объектных отношений ранние отношения существуют не сами по себе – они выполняют функцию развития самости. Неудовлетворенность Декстера объясняется тем, что его отношения не давали развиваться значительной части его потенциала как личности и как профессионала, препятствовали его росту. Хотя обычно отношения одновременно и способствуют развитию, и ограничивают его, в случае Декстера произошло столь значительное снижение потенциала, что у него появились серьезные симптомы как зов о помощи. Конфликт Декстера состоит в том, что ему нужна мать, но отношения с ней препятствуют другой его потребности – быть самим собой. Отношения с матерью не оставляли ему права на ошибку, возможности понять свои таланты и ограничения и испытать близость, основанную на его подлинных качествах. Его симптомы – это средство передачи боли, вызванной подавлением развития его самости.

Взгляд теории объектных отношений на патологию как на задержку развития составляет основное различие между этой парадигмой и психоанализом отношений. В рамках второго направления рассмотрение проблемы развития остается в стороне, поскольку внимание уделяется исследованию актуальных отношений между пациентом и аналитиком, и в фокус

терапевтической работы, как мы это показали выше, попадает ограниченность форм отношений Декстера и участие аналитика в их повторном отыгрывании. Работающий в рамках этого направления терапевт пытался бы расширить и обогатить их через выработку новых способов построения отношений с пациентом. В теории объектных отношений, напротив, патология Декстера определяется затруднениями его развития в сфере близких отношений, агрессии и честолюбия, и лечение направлено на раскрытие и развитие его потенциала.

Чтобы поддерживать отношения с матерью, Декстеру пришлось удовлетворять ее потребность видеть его более успешным, чем разочаровавший ее муж. Сама основа этих отношений не может не привести к конфликту с отцом. Декстер хочет доказать матери, что может преуспеть там, где потерпел поражение отец, но победа над отцом означает угрозу отношениям с ним. Страх лишиться этой связи способствует развитию чувства вины за свою агрессию, ощущения, что он не заслужил успеха. Более того, будучи уверен, что отношениям с отцом угрожает агрессия, Декстер прячет ее глубоко внутрь и, таким образом, лишается возможности конструктивно ее использовать. Расценивая отступление отца как реакцию на соперничество, Декстер воспринимает и отношения с ним в целом как конкуренцию. Чтобы уменьшить страх оказаться в таком же положении, как и отец, он стремится к успеху, и это стремление обостряет соперничество родительской диады.

Эти объектные отношения привели к тому, что Декстер стал соперничать с другими и одновременно ощущать соперничество по отношению к себе. Он мог принимать роль активного соперника или участвовать в конкуренции более пассивно, но в любом случае межличностные отношения, особенно с мужчинами, переживались им как борьба. Победа невозможна, и столь же нестерпимо поражение, хотя именно к нему он и стремился.

Результатом этих конкурентных объектных отношений стала амбивалентность, препятствовавшая сначала его учебе, а затем нормальному профессиональному становлению. Психологическая репрезентация паттерна отношений с отцом заставляла его участвовать в борьбе, когда в равной степени невозможны как победа, так и поражение; в результате он оказался неспособен пользоваться многими возможностями. Можно сказать, что отношения с матерью повлияли на способности Декстера достигать близости и добиваться успеха, в то время как отношения с отцом ослабили способность использовать агрессию для реализации своих целей. Следует также подчеркнуть, что объектные отношения, о которых идет речь, представляют собой не просто «запись» ранних межличностных взаимодействий, а сложные конструкции, основанные на актуальных отношениях.

Декстер привносит эти базисные схемы в значимые для него отношения с другими людьми. Зависимость от жены пробуждает у него страх эксплуатации, однако бросить ее он не может. Это повторение отношений с матерью представляет собой отыгрывание его объектных отношений по типу «эксплуататор – жертва»: Декстеру необходимо подстраиваться под требования, которые он считает чрезмерными и порабащающими его, и в то же время он страдает от чувства утраты себя и оскорбительного ощущения, что его используют. Его жена как фигура, ни в чем не находящая удовлетворения, вызывает у него ту же ярость, что и его мать. Основное отличие его отношений с матерью от отношений с женой состоит в том, что в супружеской жизни он время от времени позволяет себе вспышки гнева, что является показателем относительной безопасности, которую он ощущает в браке. Таким образом, его способность злиться на жену можно расценивать как хороший знак, хотя способ выражения гнева все же является деструктивным.

В переносе происходит отыгрывание обеих сторон объектных отношений. Аналитик в его глазах – одновременно эксплуатирующая его «Снежная королева» и отец, для которого нежелателен его успех и с которым он должен бороться за благосклонность матери. неизбежным результатом этих отношений становятся колебания между продуктивной аналитической работой и саботажем процесса. Его «неудачи» в анализе наносят поражение безжалостной

материнской фигуре и одновременно удовлетворяют отца, а успех вознаграждает «Снежную королеву» и угрожает отцу. Основная задача анализа – проинтерпретировать эти виды отношений как важнейшие компоненты личностной структуры Декстера, но цель аналитической работы состоит не столько в разрушении объектных отношений, мешающих дальнейшему развитию, сколько в замене их другими, способствующими реализации его потенциала.

Декстер постепенно осознает патологическую сущность своего способа строить отношения и понимает его происхождение, но это осознание не приводит к желаемому прогрессу в анализе, потому что интерпретация сама по себе не создает альтернативных паттернов поведения. Таков взгляд на проблемы с точки зрения теории объектных отношений: анализ достиг той точки, когда техника интерпретации уже не помогает. Регрессия Декстера представляет собой не сопротивление, а отчаянную и вполне оправданную попытку утвердить привычные для него объектные отношения.

Паттерны объектных отношений Декстера сформировались скорее в ответ на страх возможной потери необходимых ему отношений, а не в результате реального опыта. Мотивация, основанная на страхе, привела к подавлению аутентичных переживаний и в конечном итоге стала причиной формирования симптомов. Проблема Декстера связана не с конфликтом между противоречащими друг другу паттернами, а с тем, что его модели взаимодействия оторваны от аутентичных переживаний. Таким образом, теория объектных отношений, как и психоанализ отношений, подчеркивает роль ранних паттернов отношений и потребности руководствоваться ими в формировании патологии. Однако в отличие от анализа отношений, модель объектных отношений стремится построить не просто более разнообразные отношения, но новую структуру самости, основанную на подлинных переживаниях и реализации потенциала пациента.

С точки зрения теории объектных отношений, в основе проблем Декстера лежат две патологические модели объектных отношений: «эксплуататор – жертва» и «соперничество»; они определяют его самовосприятие. Цель терапии состоит в том, чтобы помочь ему ослабить действие этих схем и заменить их другими – основанными на его подлинном опыте. Мы попробуем показать, что для достижения этой цели необходимо как понимание актуальных объектных отношений пациента, так и построение взаимодействия, благодаря которому можно сформировать новые объектные отношения. Таким образом, в рамках модели объектных отношений используется и процесс понимания, важность которого подчеркивается эгопсихологией, и формирование новых отношений, составляющее сущность клинической концепции психоанализа отношений. Процесс построения новой структуры самости, в котором применяются эти средства, и составляет тему данной книги.

Заключение

Обсуждение случая Декстера позволило показать, что теория объектных отношений возникла на стыке эго-психологического подхода и модели психоанализа отношений как на теоретическом, так и на клиническом уровне. Так же, как и в психоанализе отношений, здесь подвергается сомнению положение эго-психологии о первостепенной роли эндогенных влечений, которое приводит к суженному и редукционистскому представлению о человеческой мотивации. Однако психоанализ отношений придает слишком большое значение формам отношений и недостаточное – анализу самости и психической структуры, который составляет сущность психоаналитической терапии. Таким образом, психоанализ отношений избегает редукционизма модели влечений ценой неточного определения цели психоаналитического процесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.